

2015
сентябрь
№9 (195)

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.**
Юрий Левитанский

ПОЗДРАВЛЯЕМ С НОВЫМ 5776 ГОДОМ – ГОДОМ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЖЕЛАЕМ ХОРОШЕГО СЛАДКОГО ГОДА!

**РОШ – ГАШАНА 14 -15 сентября | ЙОМ – КИПУР 23 сентября
СУККОС – 28 сентября – 4 октября | ШМИНИ – АЦЕРЕС – 5 октября
СИСИХАТ – ТОЙРА – 6 октября**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Сентябрь не только месяц еврейских праздников, но и трагических событий для еврейского народа. Именно в сентябре 1941-го, 74 года назад, нацисты, оккупировав 19 сентября Киев, за два дня уничтожили все еврейское население города. «Предлогом» стал взрыв 20 сентября в резиденции командира артиллерийской части. Были арестованы 1600 евреев в качестве заложников и помещены в спецлагерь. 22 сентября в отеле «Континенталь» в центре города немецкое командование проводило пышный банкет по случаю взятия Киева. Раздался мощный взрыв, здание гостиницы рухнуло на собравшихся. Новые взрывы разрушили консерваторию, ряд зданий на Крещатике, в которых располагались оккупационные власти. Начался сильный пожар. 50 тысяч киевлян остались без крова. Перестал существовать исторический центр Киева.

Многие взрывы были осуществлены с помощью часового механизма, поставленного отступившими из города советскими войсками. Немцы публично объявили, что взрыв на Крещатике организовали евреи. Массовые расстрелы евреев стали как бы ответом на взрывы. И как всегда в таких случаях была пущена дезинформация, что евреев будут переселять, и они обязаны собраться 29 сентября к 8 утра (за невяку расстрел) возле Лукьяновского кладбища, взяв с собой документы, деньги и ценные вещи.

Часть киевских евреев ночью ушла из города, но основная масса людей пошла по указанному адресу — женщины с грудными детьми на руках, старики, дети. Это было в день большого праздника Йом-Кипур, и евреи надеялись, что в такой день с ними не может случиться ничего плохого.

В конце улицы Артема на перекрестке оккупанты и местная полиция забирали вещи и дубинками со смехом торопили дальше. У следующего пункта забирали паспорта и документы. Бросали их тут же на землю, и они лежали большими кучами. А затем, у самого кладбища, дорогу перекрывали грузовики, оставляя только узкий проход, а за ним возврата уже не было, шли мимо еврейского кладбища, затем караимского, за ним начинался пустырь, который выходил к оврагу Бабьего Яра на бывшей северо-западной окраине города. Прибывших заставляли быстро раздеваться и дубинками гнали к само-

му краю. Пулеметы били с противоположной стороны оврага, тропинки-террасы были узкими, и люди падали только вниз, некоторых расстреливали из пистолетов, детей бросали в ямы живыми. Над оврагом летал самолет, заглушая выстрелы. Так продолжалось целый день. Тех, кого не успели расстрелять, добивали на следующий день. За два дня, 29 и 30 сентября, нацисты расстреляли 33 771 еврея. Так было доложено в Берлин и констатировалось: «Акция прошла безупречно. Вряд ли известно о том, что евреи ликвидированы...»

Расстрелы в Бабьем Яру продолжались 2 года. Всего, по оценке украинских ученых, за время оккупации в 1941-1943 гг. в Бабьем Яру были убиты 100 тысяч евреев из Киева и других городов Украины. Затем здесь же расстреливали военнопленных, цыган, украинскую интеллигенцию (*Олена Телица, поэтесса и общественный деятель*).

Бабий Яр — стал символом Холокоста в Украине. Тем более, горько, что до сих пор нет в Украине ни одного государственного музея Холокоста, не увековечена достойно память о жертвах Бабьего Яра.

О памятниках Бабьего Яра, о куреневской трагедии 1961-го, о советской политике замалчивания — обо всем этом надо писать отдельно.

С 1991 года в Бабьем Яру ежегодно проходят траурные митинги, в которых принимают участие украинские государственные деятели, послы государства Израиль, других стран, представители международных еврейских организаций, тысячи евреев Киева. В следующем году исполняется 75 лет со дня расстрелов в Бабьем Яру, и президент Украины Петр Порошенко подписал Указ «О мероприятиях в связи с 75-й годовщиной трагедии Бабьего Яра», которым создается Организационный комитет по подготовке и проведению указанных мероприятий в сентябре 2016 года. Мы надеемся, что к 75-летию трагедии в Киеве будет, наконец, открыт музей Бабьего Яра.

Почти не осталось свидетелей этой трагедии. С каждым годом переживших Катастрофу становится все меньше. Вместе с тем, в мире растет количество тех, кто вообще отрицает Катастрофу. Сегодня мы стоим перед фактом фальсификации истории. Это уже было в советское время.

Когда мы говорим о трагедии Бабьего Яра, (а у нас в Харькове — Дробицкого Яра, где уничтожены свыше 16 тысяч человек), мы не должны забывать, что эти люди были уничтожены только за то, что родились евреями — больше никакой вины за ними нет. И среди этих несчастных — стариков, женщин были дети — девочки и мальчики, подростки, малыши и младенцы, которым не успели даже дать имя.

В Бабьем Яру — их было 10 тысяч, в Дробицком Яру — свыше 2-х тысяч.

Таких яров на территории оккупированной нацистами, было великое множество. И в этих ярах вместе со своими родителями, дедушками и бабушками лежат дети, которые никогда не стали взрослыми. Не выросли, не стали поэтами и художниками, инженерами и рабочими, летчиками и музыкантами, врачами и учителями, просто хорошими людьми. Они не успели создать семьи, родить детей, любить, смеяться и радоваться жизни.

В Харьковском музее Холокоста продолжается выставка «Они никогда не станут взрослыми», посвященная детям Бабьего и Дробицкого Яров.

Как бы нам не хотелось забыть о том, что произошло в XX веке, история всегда рядом с нами, она оказывает активное влияние на наши решения и нашу деятельность.

Она может повториться на новом витке, она повторяется уже — мы хорошо это знаем в настоящем, когда та страна, которая была союзником во Второй мировой войне, оккупировала наши территории. Вторая мировая начиналась так же...

Писатель, лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель сказал:

«Один Бог только знает, какие еще несчастья суждено пережить человечеству. Возможно, много их еще заготовлено в ящике Пандоры. Вот почему мы должны быть бдительными и делать все, чтобы ни один холокост, ни один геноцид больше никогда не повторился. О том, что было тогда, должны знать наши дети, наши внуки и внуки наших внуков».

Именно поэтому мы каждый раз возвращаем нашу память к трагедиям прошлого века, чтобы избежать их в будущем.

Лариса Воловик

ПЕРЕПЛЕТЧИЦА

Думаю, эту старушку помнят многие киевские книголюбы 90-х — 2000 годов. Почему книголюбы? Да просто потому, что она годами просила милостыню на углу ул. Воровского и Дмитриевской, возле крупнейшего в те годы киевского книжного магазина. Я-то узнала ее уже в самом конце девяностых, когда мы с мужем снимали квартиру возле цирка, и офис мужа находился поблизости, и куда бы я ни направлялась, путь мой проходил мимо огромных книжных витрин. Это потом уже, потеснив немного полки с тома-

ми, возник небольшой магазин тканей, и шелка его, жаккарды и крепдешины начали настоящее наступление на книжный мир, и один яркий мир трикотажных отрезков, эфемерных шифонов и слепящей парчи победил другой яркий, эфемерный и слепящий мир шелестящих страниц, бумажных страстей и корешков подписных изданий, не менее приятных на ощупь, чем рулоны бархата. Сейчас уже весь этот квартал занят ткаными магазинами. Но тогда, тогда... Уже с середины девяностых улице было возвращено старое

название Дмитриевская, но все по-прежнему договаривались встретиться у книжного на Менжинского, уже было переиздано и перечитано (сначала в журналах, затем и в книгах) все запрещенное, написанное «в стол», все эти «Дети Арбата», «Белые одежды», «Колымские рассказы», уже не нужно было для покупки вождяленного томика стихов пробиваться потайными тропами писательского книжного «Сяйва» на Бессарабке, а изумление все не проходило.

Окончание на с. 2

ДАЙДАЖЖЕСТ.Е

ШАГ В ИСТОРИЮ

ЗАКРЫТИЕ ХАРЬКОВСКОЙ ХОРАЛЬНОЙ СИНАГОГИ...

Июнь 1923 года. Еще и года не прошло после завершения гражданской войны и создания СССР. Еще не начаты процессы коренной перестройки хозяйствования: коллективизация и индустриализация. Новая власть занялась главным — искоренением идеологических оппонентов. В документах Государственного архива Харьковской области достаточно дел о закрытии церквей, костелов, синагог и реквизиции их имущества. Одно из таких дел — дело о закрытии Харьковской хоральной синагоги.

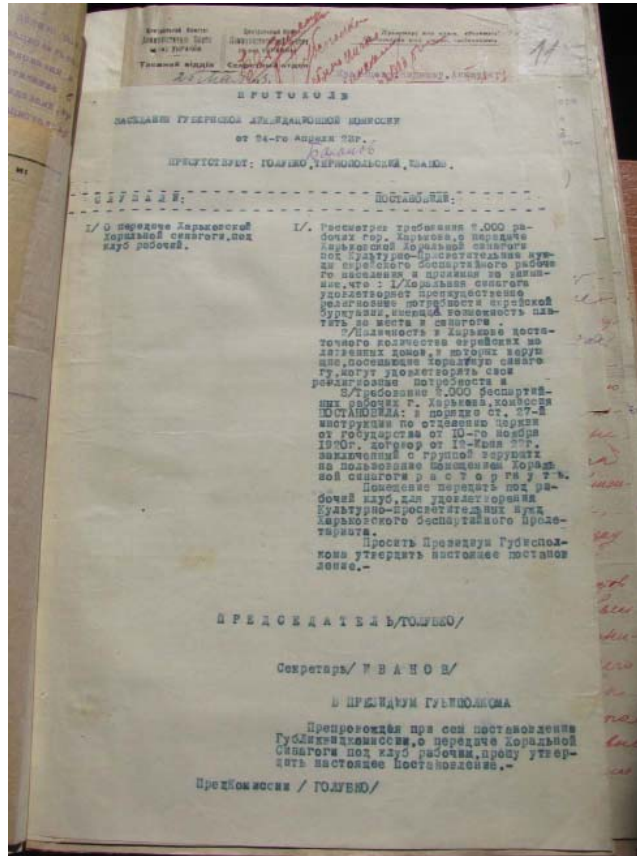
Как говорится: ничто не предвещало...

12 июня 1922 года Харьковская еврейская религиозная община заключила договор с Губюстом о бессрочном пользовании Хоральной синагогой.

18 февраля 1923 года во время богослужения перед молитвой поминания Макса Нордау выступили члены общины с речами памяти Макса Нордау, умершего 23 января 1923 года. Речь шла о нем как о великом писателе, поборнике идей еврейского равноправия... Исходя из протоколов дознания членов общины, это была религиозная панихида, на которую не брали официального разрешения, так как цензура разрешила вывесить по городу анонсы... Присутствовало коло 500 членов общины.

10 марта начальник 3-го района Харьковской Губгормилиции Волчек выносит заключение о необходимости привлечения выступавших и старосты синагоги Моисея Иосифовича Левита к ответственности за устройство панихиды БЕЗ разрешения.

Тогда же в харьковской прессе появляются сообщения о том, что группа беспартийных рабочих ходатайствует перед Харьковским губисполкомом об отобрании синагоги у общины и превращении ее в клуб. В протоколе Губернской ликвидационной комиссии, принявшей 24 апреля решение о расторжении догово-

ра с религиозной общиной и передаче помещения под клуб, фигурирует цифра — 2000 беспартийных рабочих...

29 марта отдел НКВД по отделению церкви от государства разъясняет:

«Договор на передачу еврейских синагог в бесплатное пользование группе верующих евреев заключается и расторгается в административном порядке.

Срок, на который передается синагога или храм, в договоре не указывается, вследствие чего договор может быть расторгнут в любой момент Губликвидкомом.

Со стороны НКВД никаких препятствий к немедленному расторжению договора... и передаче помещения б.хоральной синагоги под рабочий клуб... не имеется...»

И последним пунктом главное: «Требование пролетариата подлежит удовлетворению в экстренном порядке: до наступления еврейской Пасхи хоральная синагога должна быть уже превращена в рабочий клуб...»

А дальше листки с частично выцветшими от времени подписями еврейского пролетарского студенчества, еврейских рабочих... Честно: читала и боялась увидеть фамилии своих родных... Мало ли... Времена были такие... Но Б-г миловал... Самое страшное — та ненависть, которой пропитаны строчки о «буржуазии еврейской», которая «засела» в синагоге..., тот нигилизм, который воспринимает религию как «одурманивание классового самосознания пролетариата»... У каждого были свои причины для выбора той или иной позиции. Но в наше непростое время, не располагающее, увы, к толерантности и взаимопониманию, в преддверии праздника Суккот, когда мы произносим особое благословение над четырьмя видами растений, символизирующих единство еврейского народа и нашу взаимную ответственность друг за друга, хочется призвать всех — помнить о том, чем чревата взаимная ненависть.

*Александра Лошак,
частный исследователь*

ПЕРЕПЛЕТЧИЦА

Окончание. Начало на с. 1

Измучение человека, привыкшего к записям с номерками на руке на собраниях сочинений, к необходимым знакомствам с директорами книжных магазинов, с пропагандистской литературой «в нагрузку», — перед заполненными полками книжного магазина. Да, начало издаваться огромное количество одно-разовой макулатуры, но, покопавшись, ты выуживал томик Пастернака или — не может быть! — Бродского, и, вздохнув, современное — Рубина, Петрушевская, Толстая, и новые переиздания любимых и прежде дефицитных авторов.

И когда я выходила из магазина, все еще зачарованная и сжимающая в руке сдачу от покупки, то тут же сдачу отдавала этой старушке. В первый раз монеты выпали у нее из руки, так как я вовремя не заметила, что у нее тряслись руки и голова (болезнь Паркинсона, наверное). Я наклонилась поднять деньги и обратила внимание на очень чистые туфельки, надетые на белые носки. И вся эта старушка была аккуратненькая и не затрапезная: и штапельное платье, и бежевый кардиган сверху, и чистая тряпичная торбочка в руках. Где-то через полгода созерцания моих ошалелых книжных глаз и мелочи, ссылаемой ей в руку, она тихо сказала, что очень мне благодарна за постоянную помощь, что она устроилась бы где-то на подработку, но куда с вот этим — и она одной трясущейся рукой указала на другую трясущуюся. А я впервые посмотрела ей в глаза — они были, хоть и повозрастному бесцветные, но совершенно ясные и открытые. Так мы и начали общаться. Как-то я принесла ей коробочку конфет, но она мягко сказала: «Нельзя, диабет. А аппетит-то из-за него, ого-го какой!», после чего я старалась хотя бы раз в месяц собрать ей продуктовый паек: гречка, рис, подсолнечное масло, сезонные овощи, мука, мясо, яйца. Пару раз притаскивала домашних куриц, она была очень довольна, хоть и переживала, как и когда

она будет варить из них бульон. Так я узнала, что живет она в коммунальной квартире на Гончара, деля ее с молодой и наглой парой, которая хамила, выгнала из коммунальной кухни, вытеснила из ванной комнаты. «Да я понимаю, молодые, им самим в квартире быть хочется. А я могу и на электроплите в комнате курицу сварить. Только вот домашняя варится долго, а проводка старая, пробки выбивает, они кричат, что я им пожар устрою...». Была эта старушка совершенно одинока, муж умер очень давно, не дожив и до сорока, после уже и единственного сына схоронила, вот и пыталась выжить теперь на крохотную пенсию. «Наказание все это за грехи мои», — подытоживала грустно. «Представляю себе эти ваши грехи, — смеялась я. — Третий том собрания сочинений Ленина плохо переплели?» Дело в том, что я уже знала, что моя подруга не чужда литературе. По профессии она была переплетчицей, и часто с интересом разглядывала купленные мною издания. Разглядывала, понятное дело, их корешки, качество переплета, клея и бумаги. Некоторыми (как, например, собранными Евтушенко «Строфами века») искренне восхищалась, другими, изданными, в основном, маленькими новыми расплодившимися типографиями, возмущалась: «Нет, ну ты сама посмотри: только из магазина, а уже разваливается! Мой бывший хозяин переплетной мастерской сразу бы всех разогнал за такую работу!». На мои иронизирования по поводу ее грехов только вздыхала и смотрела своими ясными бесцветными глазами.

Время шло, цены росли, жизнь пенсионеров легче никак не становилась, мы заканчивали ремонт в своей квартире и готовились освободить нынешнюю, снимаемую, и переехать на Печерск, и я озадачилась вопросом кардинальной помощи моей старушке. Сначала я пыталась направить ее по различным церковным благотворительным орга-

низациям. Но как-то не сложилось: ее отсылали с места на место, по адресам в различных концах города, а обещания оставались обещаниями. И тут я узнала, что добавка к пенсии, пусть и совсем небольшая, дается при собранных справках с предприятий, работавших во время войны, особенно оборонных или приравненных к ним. Списки этих предприятий постоянно менялись, существовали какие-то сложные схемы справок и доказательств. Но как только при встрече я начала все это рассказывать и разъяснять моей старушке, та меня сразу перебила: «Не положено мне». Поразмыслив дома и опять придя к книжному, я вновь завела разговор, что сейчас никто не знает, что кому положено, что правила меняются каждый день, что я понимаю, что ей тяжело ходить по инстанциям, что я все сделаю за нее, только вот сохранившиеся документы и хоть какие-то справки с мест работы мне нужны. «Не положено мне, — опять повторила она. — На вышке я стояла». «На какой вышке?» — не поняла я. «На вышке. В охране Бабьего Яра».

Я набираю эти строки спустя лет пятнадцать после того разговора, а по-прежнему, мурашки бегут по коже, и дыхание перехватывает. Тогда же, после вала нахлынувшей свободной информации, после дневников Анны Франк, после «Тяжелого песка», после «Бабьего Яра» Кузнецова, я просто стояла и молчала. Она же, обманутая моей блондинистой славянской внешностью, и принявшая молчание за полное непонимание ситуации, разъясняла: «Тяжело было, и пошла туда работать. На вышке с автоматом стояла. Кому были нужны переплетчицы? А там и платили, и продукты давали. Ой, сколько ж там евреев полегло! После расстрелов еще долго земля ходила ходуном и стон стоял. Потом еще годами его слышала, тогда и трястись руки начали, и несчастья все на меня посыпались. В один из тех дней шла на работу, а в колонне с желтыми

нашивками мой бывший хозяин переплетной Арон Моисеевич с внучкой, что-то мне докричаться пытался, я мимо прошла, что я могла сделать? Разве я могла как-то его внучку спасти? А жалея я их всех, особенно после, вспоминая и обдумывая. Все ж-таки, тоже люди». И — ясные глаза, смотрящие на меня.

Я повернулась и пошла прочь, ни слова не говоря. И начала избегать и этот перекресток, и этот книжный магазин. Иногда издали видела маленькую трясущуюся фигурку, деловитый народ пробегал мимо, подавали мало. У меня в душе был ужас, гнев и жалость. Невозможность помочь и невозможность не помочь. Тут было все: и пепел Клааса, и библейская концовка «Тяжелого песка» — «Веникойси, домом лой никойси» (Все прощается, пролившим невинную кровь не простится никогда), но так же и убежденность, что милосердие выше справедливости. Потом какое-то время старушки не было видно, и соседка — торговка семечками сказала, что ее избил сосед по коммуналке за взятый из холодильника кусок колбасы. В общем, когда она появилась вновь, я опять вложила в ее руку горсть монет. Только разговоры больше никакие не вела. И в бесцветные глаза смотреть не смогла.

9 Мая мы с друзьями традиционно возлагаем цветы к памятнику в Бабьем Яру. Погода в эти дни всегда стоит отличная. Но для меня даже в самый солнечный день там пасмурно, в самый тихий — стонет земля, в самый кристально прозрачный — туманно и сыро, и в этой туманной дымке я вижу вышку, и женщину с автоматом, и бесцветные ясные глаза. А память избирательна — имени ее я совершенно не помню. И в этой зыбкости и легучести памяти, возмездия, сострадания, наказания и сочувствия, в этом общем тумане жизни, где чего только не намешано, висит вопрос: кто мы все здесь? Жертвы? Палачи? Судьи? Наблюдатели? И никакого ответа. Ниоткуда.

Автор неизвестен

ИМЕНА. ЛИЦА

ПСИХОЛОГ ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ

Он был уверен, что нужно искать не отклонения и неврозы, а смысл. Так он разочаровался во Фрейте и стал лечить словом, заложив основы современной психотерапии. Он помогал искать смысл сначала больным в клиниках, потом — узникам нацистских концлагерей. Это дало возможность выжить в Холокосте и ему самому, и тысячам других. И по сей день его метод меняет жизни миллионов людей по всему миру.

Восемнадцать лет назад умер великий психиатр Виктор Франкл.

В судьбе знаменитого психиатра Виктора Франкла, как в зеркале, отразилась судьба всего европейского еврейства XX века. Он родился в начале века в Вене — респектабельной, наполненной культурой, бурлящей новыми веяниями. Он обожал свою прекрасную Вену и был по-настоящему счастлив. Родители были гражданскими служащими, семья ни в чем не нуждалась. Отец соблюдал еврейские традиции, но не навязывал их своим трем детям. Мать окружала наследников заботой и вниманием. Виктор Эмиль Франкл был счастлив. Еще и потому, что с самого детства, кажется, знал, зачем пришел в этот мир. Как-то учитель в гимназии, куда ходил Франкл, решил поразить учеников оригинальностью суждения. «Жизнь — это всего лишь химический процесс», — заявил он. «Но как же тогда смысл?» — воскликнул маленький Виктор. Этот вопрос и стал для него самым главным, спас его от смерти в концлагерях, сделал его одним из самых известных психиатров двадцатого века.

Пока славный мальчишка из семьи венских евреев подрастал, кружок доктора Фрейда разрастался, а психоанализ перестал быть маргинальным движением в психологии, наоборот, он становился все более популярным. Франкл был в восторге от Фрейда, выискивал его статьи, прочел книгу «Толкование сновидений», которая в то время еще не стала «Библией психоанализа», и даже вступил в переписку с мэтром. Мэтру юноша понравился. Школьник, искавший смысл жизни, забавлял циника Фрейда. И когда Франклу исполнилось 19, Фрейд помог ему опубликовать статью в «Международном журнале психоанализа». Правда, личное знакомство Франкла и поклонников Фрейда не задолго. «Итак, господин Франкл, в чем ваш невроз?» — спросил его один из учеников мэтра. Чем отsprыл нашего героя от фрейдизма навсегда. Франкл категорически отказывался воспринимать человека исключительно как носителя неврозов. Ему казалось, что человеку надо помогать искать не отклонения, а смысл. И он пошел своей дорогой, разочаровавшись в кумире юности.

«Будучи молодым человеком, я прошел через ад отчаяния, преодолевая очевидную бессмысленность жизни, через крайний нигилизм, — вспоминал позже Франкл. — Со временем я сумел выработать у себя

иммунитет против нигилизма. Таким образом я создал логотерапию». Здесь «лого» от «логос» — слово. В противовес старшим коллегам, Франкл отказывался верить в то, что вылечить душевные хвори человека можно только медикаментозным путем. В школе Фрейда, к примеру, отрицали всякие сантименты. Никаких рукопожатий, объятий, сочувствия. Этакая хирургия в психотерапии. Франкл же был уверен, что лечить душу можно только словом (именно такой и стала впоследствии психотерапия). Слово было для Франкла не просто единицей речи. Оно было квинтэссенцией идеи и смысла. Смысла, который он помогал искать своим пациентам.

Ему было всего 23 года, он учился в Венском университете, изучал депрессию и суицид. И создал Центр консультирования молодежи — помогал студентам найти смысл жизни, потеря которого приводила их на грань между жизнью и смертью. Он принимал пациентов, много писал. В 25 лет он получил докторскую степень и возможность работать в Нейропсихиатрической университетской клинике. Он не просто работал, он жил своим поиском. В эти активные молодые годы Франкл успел сформулировать все основные принципы психотерапии, на которые потом опирался всю жизнь, и без которых невозможно себе представить психотерапию сегодня.

Внутри психологического эксперимента

В 1938 году история предложила ему новые обстоятельства, новое пространство для применения своих сил, новое, страшное испытание его идей. Австрия вступила в союз с нацистской Германией. Для венского еврейства наступили страшные времена. Поначалу благополучные, состоятельные, образованные евреи Вены даже не думали волноваться: они были предельно уверены в завтрашнем дне, многие из них и вовсе позабыли о собственном еврействе, чувствовали себя настоящими венцами, обожали свой город и страну. Ходит легенда, что в самом начале аншлюса, когда еще не все понимали, какая катастрофа обрушилась на Австрию, в аудитории, где Франкл читал лекцию, вошел эсэсовец и приказал всем разойтись. О том, что в Вену вошли нацистские войска, еще никто не знал. Франкл прекрасно владел навыками гипноза. Он приказал эсэсовцу замереть на месте и за-

быть о своих словах. Так и случилось. Лишь после лекции Франкл узнал, с кем ему пришлось иметь дело.

Вскоре еврею Франклу запретили лечить пациентов арийского происхождения. Но он открыл частную практику, а потом возглавил неврологическое отделение Ротшильдской еврейской больницы. И снова спасал. На этот раз не от суицида, а от концлагерей. Через него проходили сотни душевнобольных, которым он ставил диагноз «здоров»: нацисты уничтожали психически больных людей, считая их «порченым» материалом. Какое-то время Франклу везло. Когда за ним пришли первый раз, гестаповец, оформлявший документы, оказался его бывшим пациентом. Франкл остался в Вене. И в 1941 году женился на медсестре Тилли Гроссер. Это была настоящая еврейская свадьба. Последняя, которую видела Вена на долгие годы вперед. Второй шанс спастись появился у Франкла, когда американский университет предложил ему место и визу: в Штатах понимали ценность доктора Франкла. Но выехать могли только он и его жена. Пожилых родителей пришлось оставить в Вене. Он не смог их предать. В это время его бывший наставник Фрейд уже уехал из Австрии с женой и дочерью. Его сестры остались одни и сгинули в концлагерях.

В 1942 году Франклов арестовали. Всех — родителей, брата, беременную жену и самого доктора Франкла — отправили в Терезиенштадт. Он и здесь не останавливается, ему помогает выжить тот смысл, который он нашел еще в школьные годы, — психологическая помощь. Втайне от руководства лагеря Франкл и доктор Карл Флейшман создают подпольную психологическую службу. Они помогают заключенным не отчаиваться в этом аду. Они не позволяют им потерять смысл. «Если есть зачем жить, можно вынести любое как», — писал Ницше. По иронии судьбы, эти слова философа, вдохновлявшего Гитлера, можно считать главным слоганом и спасавшегося от нацистов Франкла. Знаменитому психиатру было для чего жить — он не просто спасал, он сочинял книгу, которую обязательно должен был опубликовать, когда все закончится. Он писал ее в уме, повторяя главы одну за другой изо дня в день.

«Нет такой ситуации, в которой нам не была бы предоставлена жизненно возможная найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не держала бы наготове какое-нибудь дело, — в это невозможно поверить, но эти строки Франкл формулировал посреди ада Аушвица. — Возможность осуществить смысл всегда уникальна, и человек, который может ее реализовать, всегда неповторим». Он наблюдал за заключенными и мучителями. Он словно оказался внутри большого психологического эксперимента. И именно эта позиция наблюдателя помогала ему выживать и спасать других. Когда все закончилось, он назвал свою

книгу «Сказать жизни Да: Психолог в концлагере». Все эти годы в лагерях он думал о том, что расскажет миру о случившемся. Он верил, что тогда мир изменится, мир спасется. Он прошел четыре концлагеря, включая самые страшные — Освенцим и Дахау. Его жена погибла в Берген-Берзене. Отец и мать — в Аушвице. Из всей семьи выжили только он и его сестра, которая не захотела после окончания войны оставаться в Европе, не смогла ее простить. Она уехала в Австралию, а вот Франкл вернулся в Вену.

Хорошее-плохое человечество

Он возглавил Венскую неврологическую клинику, он писал, лечил, читал лекции. Книга сделала его знаменитым, хоть и не изменила мир. Ее переведут на 30 языков, а сам доктор Франкл дважды совершит кругосветное путешествие, читая лекции по приглашению ведущих университетов разных стран. В 1947 году он снова женился. И снова всех поразил. Это опять была медсестра, но на этот раз ее звали Элеонора, и она была католичкой. Ни для него, ни для нее это не стало проблемой. Он бывал в синагоге, она — в католических храмах. Каждый оставался внутри своей традиции, зачастую ходили вместе и туда, и туда. Франкл оставался верен себе — верен смыслу, а не их внешним проявлениям.

Видимо, поэтому частым гостем в их доме был немецкий философ Мартин Хайдеггер — когда-то ярый сторонник нацистов. «Хорошие и плохие люди были с обеих сторон», — повторял Франкл. И продолжал помогать людям искать смысл жизни. Он читал лекции, писал, лечил, спасал, говорил, объяснял. Когда читаешь книги Франкла, кажется, что все последующие поиски смыслов теряют всякий смысл. Он успел рассказать человеку очень многое о том, кто же он на самом деле. Вряд ли будет преувеличением сказать, что он изменил, спас жизни сотен, тысяч людей. Ему не удалось только одно — изменить этот мир.

И потому строки, с которых начинается его книга «Человек в поисках смысла», так горько актуальны и сегодня: «В отличие от животных, инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно. И в отличие от человека вчерашнего дня, традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие (конформизм), либо делает то, что другие хотят от него (тоталитаризм)».

Он умер 2 сентября 1997 года. Ему было 92, и его смерть прошла незамеченной: в те дни пресса была слишком увлечена обстоятельствами гибели принцессы Дианы. Но и это тоже не заставило бы его разочароваться в человечестве. Он слишком много понял о человеке, чтобы на него обижаться. И, как ни удивительно, не перестал его любить.

Анна Ребель, jewish.ru

ПАЛЕСТИНА. ОТКУДА БЕРЁТСЯ ЛОЖЬ?

Я, араб, не перестаю удивляться: как это вдруг все эти палестинцы обнаружили свою национальную принадлежность — после того, как Израиль выиграл войну? Истина в том, что Палестина реальна не более, чем тридевятое царство. Палестина никогда не существовала как самостоятельное образование — ни до, ни после того. Попеременно ею правили Рим, мусульмане, крестоносцы, Оттоманская империя и, в течение очень короткого времени, Великобритания — после Первой мировой войны. Именно Великобритания согласилась вернуть, по крайней мере, часть этой земли еврейскому народу в качестве его родины. Не существует языка, известного как палестинский. Не существует самобытной палестинской культуры. Никогда не существовала страна, известная как Палестина и управляемая палестинцами. Палестинцы — это арабы, ничем не отличающиеся от иорданцев, сирийцев, ливанцев, иракцев и т.п.

Помните, что арабы контролируют 99,9 процента земли на Ближнем Востоке. Израиль представляет собой лишь десятую долю процента всей этой территории. Но для арабов это слишком много. Они хотят все. И это именно то, из-за чего сегодня идет война в Израиле. Жадность. Гордыня. Зависть. Алчность. Не важно, сколько территориальных уступок сделали израильтяне, их (уступок) никогда арабам не будет достаточно. А что со святыми местами мусульман? Их нет в Иерусалиме. Вы шокированы? Я и не ждал, что вы когда-то слышали эту тяжелую истину от кого-либо в международных средствах массовой информации. Я знаю, что вы собираетесь мне сказать: «Фара, мечеть «Аль-Акса» и мечеть Омара представляют собой третьи по святости места ислама». Неправда. На самом деле Коран ничего не говорит о Иерусалиме.

В нем упоминается Мекка сотни раз. В нем бесчисленное количество раз упоминается Медина. В нем нигде не упоминается Иерусалим. Нет никаких легитимных претензий. Израиль не крал ничьей земли. Израиль не создавал кризиса с беженцами. Израиль не угнетал «палестинский народ». Все это чушь, которую я опровергал тысячи раз голыми фактами и реальной историей. Конфликт между исламскими радикалами и евреями на Ближнем Востоке в действительности очень прост. Исламские радикалы хотят, чтобы все евреи умерли. Евреи, тем временем, хотят жить. И, как показывает конфликт, два этих аспекта несовместимы. Ибо зверя не удовлетворят никакие земельные уступки. Его жажду крови и власти утолит только смерть и уничтожение неверных.

Джозеф Фара, арабский писатель и журналист

ИМЕНА. ЛИЦА

С ЮБИЛЕЕМ!

24 сентября исполняется 80 лет видному харьковскому литературоведу и публицисту, доктору филологических наук, профессору Леониду Генриховичу Фризмону.

В честь его юбилея выходит сборник статей, который и по научной значимости представленных в нем работ, и по известности их авторов намного превосходит

аналогичные издания, выпускавшиеся у нас до сих пор. Более того, этот сборник не имеет себе равных в ряду подобных изданий не только по известности представленных в нем имен, но и по самой их беспрецедентной географии: в книге публикуются статьи специалистов, живущих и работающих в девяти странах. Появление такого сборника говорит о научном авторитете и мировом резонансе деятельности Л. Фризмана.

Следуя творческой и писательской манере самого Леонида Генриховича, публикуемые здесь исследования свободны от натужного «научообразия», насыщенности малоупотребительной терминологией, доступной лишь узкому кругу избранных, и будут с интересом прочитаны не только профессиональными филологами, но и всеми интересующимися литературой.

Впечатляет масштаб подхода к материалу, характерный для большинства статей. Даже там, где в центре внимания один писатель, одно произведение, они обычно рассмотрены в контексте и раскрываются

новыми сторонами даже тем читателям, которым это произведение хорошо знакомо. «Заблудившийся трамвай» Гумилева принадлежит к самым известным, не раз анализируемым стихотворениям поэта. Но Э. Обухова (Ванкувер) сумела прочесть в нем то, что ускользало от внимания ее предшественников, выявить нити, которые тянутся от него не только к современникам Гумилева: Булгакову, Мандельштаму, Цветаевой, Пастернаку, но и к Пушкину и Лермонтову.

А рядом — изящный иронический этюд профессора Питтсбургского университета М. Альшуллера «Два гудка». Отталкиваясь от различий в тональности фабричного гудка, который «дрожал и ревел» в начале романа М. Горького «Мать», и «веселого пеня гудка» в «Песне о встречном» Б. Корнилова, автор ведет нас к пониманию казенного, натужного оптимизма советской поэзии сталинских лет...

Поскольку сборник издается в честь не только ученого, но и политического публициста, закономерно появление в нем статьи В. Звизняцкого (Киев),

которая зримо выходит за рамки «чистого» литературоведения и содержит отзвук актуальных дискуссий об украинской государственности, об украинцах как политической нации. Главная мысль автора в том, что для правильного понимания современности необходимо привлечение и объяснение исторических фактов прошлых эпох, и он емко и выразительно воскрешает эти эпохи с помощью анализа произведений А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Не приходится сомневаться, что высокий уровень анализируемого сборника зримо отразил отношение его авторов к Л. Фризмону. Но его значение далеко выходит за рамки события, которому он посвящен. Пора юбилейных поздравлений пройдет, а книга останется и еще послужит и движению литературной науки, и расширению читательского кругозора.

*Константин Бондарь,
кандидат филологических наук,
г. Хайфа (Израиль).
Печатается в сокращении*

СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ЖУРФАКЕ МГУ

Интересно, разглашаю ли я сейчас государственную тайну? Я ведь хорошо помню этот учебник с синим смазанным штампом спеццита и тетради для конспектов с пронумерованными страницами, для верности прошитые насквозь толстой вошеной нитью.

Совершенно секретно.

Я учился на журфаке МГУ, у нас была военная кафедра. В обстановке секретности нас учили боевой спецпропаганде — искусству сеять раздор в рядах противника с помощью дезинформации и манипуляции сознанием.

Страшное, доложу вам, дело. Без шуток.

Боевая, или «черная», пропаганда допускает любое искажение реальных фактов ради решения пропагандистских задач. Это эффективное оружие, используемое с единственной целью вышибания мозгов противнику.

Метод «гнилой селедки». Метод «перевернутой пирамиды». Метод «большой лжи». Принцип «40 на 60». Метод «абсолютной очевидности».

Все эти методы и техники вы тоже знаете. Просто не осознаете этого. Как вам и полагается.

Нас учили использовать техники боевой спецпропаганды против солдат армии противника. Сегодня они используются против мирного населения нашей собственной страны. Уже два года, читая российские газеты или просматривая телевизионные шоу, я с интересом отмечаю, что люди, координирующие в России вброс и интерпретацию новостей, явно учились по тому же учебнику, у того же бодрого полковника или его коллег.

Вот, например, метод «гнилой селедки». Работает так. Подбирается ложное обвинение. Важно, чтобы оно было максимально грязным и скандальным. Хорошо работает, например, мелкое воровство, или, скажем, растление детей, или убийство, желательнее из жадности.

Цель «гнилой селедки» вовсе не в том, чтобы обвинение доказать. А в том, чтобы вызвать широкое, публичное обсуждение его... НЕсправедливости и НЕоправданности.

Человеческая психика устроена так, что, как только обвинение становится предметом публичного обсуждения, неизбежно возникают его «сторонники» и «противники», «знатоки» и «эксперты», оголтелые «обвинители» и ярые «защитники» обвиняемого.

Но вне зависимости от своих взглядов все участники дискуссии снова и снова произносят имя обвиняемого в связке с грязным и скандальным обвинением, втирая, таким образом, все больше «гнилой селедки» в его «одежду», пока, наконец, этот «запах» не начинает следовать за

ним везде. А вопрос «убил-украл-совратил или все-таки нет» становится главным при упоминании его имени.

Или, например, метод «40 на 60», придуманный еще Геббельсом. Он заключается в создании СМИ, которые 60 процентов своей информации дают в интересах противника. Зато, заработав таким образом его доверие, оставшиеся 40 процентов используют для чрезвычайно эффективной, благодаря этому доверию, дезинформации. Во время Второй мировой войны существовала радиостанция, которую слушал антифашистский мир. Считалось, что она британская. И только после войны выяснилось, что на самом деле это была радиостанция Геббельса, работавшая по разработанному им принципу «40 на 60».

Очень эффективен метод «большой лжи», который немного похож на «гнилую селедку», но, на самом деле, работает иначе. Его суть заключается в том, чтобы с максимальной степенью уверенности предложить аудитории настолько глобальную и ужасную ложь, что практически невозможно поверить, что можно врать о таком.

Трюк здесь в том, что правильно скомпонованная и хорошо придуманная «большая ложь» вызывает у слушателя или зрителя глубокую эмоциональную травму, которая затем надолго определяет его взгляды вопреки любым доводам логики и рассудка.

Особенно хорошо работают в этом смысле ложные описания жестоких издевательств над детьми или женщинами.

Допустим, сообщение о распятом ребенке за счет глубокой эмоциональной травмы, которую оно вызывает, надолго определит взгляды получившего эту информацию человека, сколько бы его потом ни пытались переубедить, используя обычные логические доводы.

Но особенно почитал наш бодрый полковник метод «абсолютной очевидности», дающий хоть и не быстрый, но зато надежный результат.

Вместо того чтобы что-то доказывать, вы подаете то, в чем хотите убедить аудиторию, как нечто очевидное, само собой разумеющееся и потому безусловно поддерживаемое преобладающим большинством населения.

Несмотря на свою внешнюю простоту, этот метод невероятно эффективен, поскольку человеческая психика автоматически реагирует на мнение большинства, стремясь присоединиться к нему.

Важно только помнить, что большинство обязательно должно быть преобладающим, а его поддержка абсолютной и безусловной — в ином случае эффекта присоединения не возникает.

Однако если эти условия соблюдаются, то число сторонников «позиции большинства» начинает постепенно, но верно расти, а с течением времени увеличивается уже в геометрической прогрессии — в основном за счет представителей низких социальных слоев, которые наиболее подвержены «эффекту присоединения». Одним из классических способов поддержки метода «абсолютной очевидности» является, например, публикация результатов разного рода социологических опросов, демонстрирующих абсолютное общественное единство по тому или иному вопросу. Методики «черной» пропаганды, естественно, не требуют, чтобы эти отчеты имели хоть какое-то отношение к реальности.

Я могу продолжать. Учили нас вообще-то целый год, и список методов довольно велик. Важно, однако, не это, а вот что. Методы «черной» пропаганды воздействуют на аудиторию на уровне глубоких психологических механизмов таким образом, что последствия этого воздействия невозможно снять обычными логическими доводами. «Большая ложь» достигает этого эффекта с помощью эмоциональной травмы. Метод очевидности — через «эффект присоединения». «Гнилая селедка» — за счет внедрения в сознание аудитории прямой ассоциации между объектом атаки и грязным, скандальным обвинением.

Проще говоря, боевая спецпропаганда превращает человека в зомби, который не только активно поддерживает внедренные в его сознание установки, но и агрессивно противостоит тем, кто придерживается иных взглядов или пытается его переубедить, пользуясь логическими доводами. Иначе, собственно, и быть не может. Все методы боевой спецпропаганды объединяет единая цель. Она заключается в том, чтобы ослабить армию противника за счет внесения в ее ряды внутренней розни, взаимной ненависти и недоверия друг другу.

И сегодня эти методы применяются против нас самих. И результат, к которому они приводят, ровно тот, для достижения которого они и были созданы. Только взаимная ненависть и внутренняя рознь возникают не в армии противника, а в наших домах и семьях.

Просто выйдите на улицу и посмотрите, как изменилась страна за последние три года. Мне кажется, против собственного населения боевая спецпропаганда работает даже эффективнее, чем против солдат противника.

Наверное, потому, что в отличие от солдат противника мирное население не может себя защитить.

Владимир Яковлев

«Дайджест • Е»

Учредитель: ХОК «Дробицкий Яр»

Издатель: Харьковский музей Холокоста

Рег. свид. ХК№241 от 05.01.1995г.

Главный редактор Лариса Воловик
Верстка Сергея Рожкова

Наш адрес: 61024, Украина,
Харьков, ул. Петровского, 28

Телефоны редакции:

(057) 700-49-90, 714-09-59

<http://holocaustmuseum.kharkov.ua/>

E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.com

Типография издательства «Харків»
Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 21.09.2015 г.

Заказ №5-092

Подписной индекс 21785

Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»